

формування політики ядерного стримування – доктрини, яка протягом минулого століття була і досі залишається ключовою в стабільному функціонуванні існуючого політичного порядку в світі.

Розрізняють дві основні форми технологічного детермінізму: технологічний “евдемонізм” (від грец. слова “eudaimonia” – “блаженство”) та технологічний “алармізм” (від фр. слова “alarmiste” – “стурбованість”, “тривога”) [1, с. 37]. Технологічний евдемонізм (або технологічний оптимізм) акцентує увагу на позитивному впливі технічного прогресу, на здобутках техніки та науки, як ключових передумовах забезпечення добробуту людських спільнот. Технологічний алармізм (технологічний песимізм) розглядає проблему розвитку техніки з іншої точки зору. Так, в межах даного напрямку, технічний прогрес є причиною і джерелом як уже існуючих, так і майбутніх проблем.

Технологічний алармізм розглядає прояви згубного впливу техніки у різних вимірах-метафізичному, економічному, культурному, політичному тощо. Ж. Еллюль розглядає технологію в якості самостійної некерованої сили, яка знеособлює весь оточуючий її світ. Пристосовуючись до вимог машини, людина потрапляє у своєрідне рабство, “держава та суспільна думка стають слугами, а не хазяїнами техніки” [3, с. 35].

В роботі “Етика в епоху технології” І. Г. Барбур не заперечує значні масштаби впливу техніки на людину і суспільство в цілому, проте виступає проти її абсолютизації, постульованої технологічним детермінізмом. Він вважає, що технологія залежить від суспільства, оскільки технологічні зміни обумовлюються рішеннями, прийнятими певними людьми чи організаціями. Так, говорить дослідник “промислові корпорації та урядові чиновники володіють значною політичною владою [для прийняття управлінських рішень, які обумовлюють або гальмують технологічний розвиток, – прим. автора], але в демократичній країні громадяни можуть впливати на державну політику через виборних представників, судові запити, консультативні комітети, а також громадські і екологічні неурядові організації” [2, с. 19].

Таким чином, технологічний детермінізм як методологічний принцип, який виходить із пріоритетної ролі раціонального знання і техніки в аналізі політики, став реакцією на стрімкий розвиток науки та техніки, зумовлений науково-технічною революцією та її вплив на розвиток політичної теорії та практики минулого століття. Окремі положення технологічного детермінізму представлені в різних соціальних, економічних тощо теоріях, проте найбільш повно та в домінуючій серед інших методологічних принципів він реалізований в рамках технократизму.

Список використаних джерел

1. Аль-Ани Н. М. Философия техники: очерки истории и теории [Текст]: учебное пособие / Н. М. Аль-Ани. – СПб, 2004. – 184 с.
2. Барбур И. Этика в век технологии [Текст] / Иен Барбур; пер. с англ. А. Киселев. - Москва: Библейско-Богословский Ин-т св. Апостола Андрея, 2001. - 380 с.
3. Бердяев Н. Царство Духа и Царство Кесаря [Текст] / Н. Бердяев. – М.: Республика, 1995. – 375 с.
4. Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке [Текст] / М. Бунге; пер. с англ. И. С. Шерн-Борисовой и С. Ф. Шушурина; общ. ред. и послесл. Г. С. Васецкого. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – 511 с.

5. Соціальна філософія [Текст] : Короткий енциклопедичний словник / В. П. Андрущенко [та ін.] ; загал. ред. В. П. Андрущенко, М. І. Горлач ; Українська академія політичних наук. – К. : Рубікон; Х.: [б.в.], 1997. – 400 с.

6. Smith M.R., Marx L. Does Technology Drive History?: The Dilemma of Technological Determinism [Текст] / M. R. Smith, L. Marx (Eds). – Cambridge, MA, London: MIT Press, 1995. – 288 pp.

References

1. Al-Ani N. M. Filisofia tekhniki: ocherki istorii i teorii [Text]: uchebnoie posobie / N. M. Al-Ani. – SPb, 2004. – 184 s.
2. Barbur I. Etika v vek tehnologii [Text] / I. Barbur; per. s angl. A. Kiseliov. – Moskva : Bibleisko-Bogoslovskii In-t sv. Apostola Andreja, 2001. – 380 s.
3. Berdiaev N. Tsarstvo Duha i Tsarstvo Kesarya [Text] / N. Berdiaev. – M. : Respublika, 1995. – 375 s.
4. Bunge M. Prichinnost. Mesto printsipa prichinnosti v sovremennoi nauke [Text] / M. Bunge; per. s angl. I.S. Shern-Borisovoi s S.F. Shushurina; obshch. red. i poslesl. G.S. Vasetskogo. – M. : Izd-vo inostr. lit., 1962. – 511 s.
5. Sotsialna filosofiya [Text]: Korotkyi entsiklopedychnyi slovnyk / V. P. Andrushchenko [ta in.]; zahal. red. V.P. Andrushchenko, M.I. Horlach; Ukrainiska akademiia politychnykh nauk. – K. : Rubikon; Kh.: [b.v.], 1997. – 400 s.
6. Smith M.R., Marx L. Does Technology Drive History?: The Dilemma of Technological Determinism [Text] / M. R. Smith, L. Marx (Eds). – Cambridge, MA, London : MIT Press, 1995. – 288 pp.

Kolomiec' L. V., graduate student department of political science, *Kyivan national university the name of Tarasa Shevchenko (Ukraine, Kyiv)*, kol.lilia777@gmail.com

Technological determinism in the system of methodological principles of technocratic theories

The article examines the key positions that form the principle of technological determinism, characteristics and appropriateness of its application in terms of political analysis. The heterogeneity of the theories building on the principle of technological determinism are investigated: technological “eudaimonia” and technological “alarmism”. The author focuses on the specifics of technological determinism methodology within the limits of technocratic theories.

Keywords: technological determinism, technocratic theories, technological “eudaimonia”, technological “alarmism”.

Коломиець Л. В., аспірантка кафедри політології, *Київський національний університет ім. Тараса Шевченка (Україна, Київ)*, kol.lilia777@gmail.com

Технологический детерминизм в системе методологических принципов технократизма

Статья посвящена рассмотрению основных положений, которые составляют принцип технологического детерминизма, особенностей и целесообразности его использования в условиях анализа политики. Исследуется неоднородность теорий, ведущим принципом в которых выступает технологический детерминизм: технологического “эвдемонизма” и технологического “алармизма”. Автор сосредотачивает внимание на специфике использования методологии технологического детерминизма в пределах технократизма.

Ключевые слова: технологический детерминизм, технократизм, технологический “эвдемонизм”, технологический “алармизм”.

* * *

УДК 13/316.422

Иохим А. Н.
аспірант кафедри сравнительной политологии,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
(РФ, Москва), sv@diss.kiev.ua

ПРОБЛЕМА “ДРУГОГО” И ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

В статье анализируются методологические аспекты и направления исследований концептуальной оппозиции “Я/Другой” в контексте формирования коллективной идентичности в мировом политическом дискурсе. Особое внимание автор уделяет разработкам, посвященным проблемам формирования коллективной идентичности современной Европы.

Ключевые слова: “Другой”, коллективная идентичность, дискурс, конструктивизм, международные отношения.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Долгая традиция освещения проблем формирования коллективной идентичности в рамках социальной антропологии, психологии, социологии, политической науки, к сожалению, не может “похвастаться” широким диапазоном исследований по вопросам идентичности в системе международных отношений (МО). Это обусловлено различными факторами, одним из которых является тот факт, что долгое время в дисциплине МО доминировала дихотомия в виде условного спора “реалистов”/“либералов”. В рамках такого положения вещей не было места полноценному анализу проблемы коллективной идентичности, поскольку, в самом общем плане, концепция идентичности пытается бросить вызов рационалистскому пониманию природы человека и социального действия, т.к. она предполагает, что социальные акторы как таковые, а также их интересы выступают как продукт социального конструирования [1].

Таким образом, вопреки многим научным публикациям по данной проблематике [2; 5; 6; 8], именно конструктивизм выступил в качестве теоретической базы для актуализации проблемы формирования коллективной идентичности в дисциплине МО.

Но конструктивизм не дает однозначную трактовку по числу и форме основных участников международных отношений. Однако А. Вендт в своих работах [16; 17] прямо указывает на необходимость принятия факта существования государства как автономного актора с оговоркой, что данный субъект представляет собой, в первую очередь, совокупность людей. Ученый пишет о методологической важности антропоморфизации государства как имманентного субъекта и представления международной системы в качестве совокупности государств как социальных институтов в том числе [17, с. 215].

По сути, А. Вендт не далеко отходит от взглядов политического реализма на роль государства. Это подтверждается, прежде всего, в представлении государства как особенного участника международных отношений в силу обладания суверенитетом. Такой подход, к сожалению, не позволяет в полной мере проводить анализ трансформаций государственной идентичности (конституирования государств как акторов) в связи с однозначной обусловленностью государств-акторов (т.е. мы ничего не можем сказать о государстве до момента вступления во взаимодействие с другими государствами).

Исходя из вышеизложенного, целью статьи является методологическое исследование проблемы “Другого” и формирование коллективной идентичности в международной политике.

Понимание международных отношений как отношений “Я/Другой” исходит из представления о возможности многочисленного числа относительных конфигураций взаимодействия акторов. Попытка А. Вендта ввести демаркацию между так называемыми корпоративной и социальной идентичностью [16, с. 385] также не смогла полностью удовлетворить концептуальные запросы диалогического подхода к мировой политике. Именно понятие корпоративной идентичности не может позволить в полной мере “вскрыть” всю специфику формирования идентичности, поскольку предполагает наличие так называемых самоорганизующихся качеств

у актора, придающих ему индивидуальность. Корпоративная идентичность, по мнению Вендта, конституируется за счет внутривнутриполитического дискурса, тем самым исчезая из предметного поля дисциплины МО. Из этого можно сделать вывод, что трансформации идентичности, согласно А. Вендту, есть всего лишь переход от одной идентичности (менее стабильной) к другой. Разумеется, такой подход практически не учитывает связь государственной национальной идентичности с идентификационными представлениями совокупности людей, формирующих само государство.

Диалогический подход постулирует тезис о том, что человеческие коллективы и их границы должны мыслиться в рамках дискурса как единой системы артикулированных смыслов. Социальная трансформация является ключевым механизмом перехода к границам различных сообществ, а инкорпорация групп людей в состав того или иного коллектива происходит одновременно с трансформацией целых смысловых цепочек данных групп (т.е. за счет придания им нового статуса: это может быть статус “гражданина”, “негражданина” (своеобразный “парадокс” в прибалтийских государствах относительно отдельных категорий населения), “союзника”, “брата”, “соотечественника”, “врага” и т.п.). Надо сказать, что подобные трансформации демонстрируют различно рода случаи взаимозависимости корпоративной и социальной идентичности (если руководствоваться терминологией Вендта), требующие пересмотра идентичности социальной группы и государства в целом. Так, например, факт наличия у большого числа жителей Южной Осетии российского паспорта все же не позволяет региону быть включенным в состав РФ на правах субъекта. Таким образом, корпоративная идентичность не должна оставаться вне предметного поля исследований МО, а, по сути, она представляет единое целое с понятием социальной идентичности.

Более или менее полноценное представление о международных отношениях как отношениях “Я/Другой” было заложено в работах, освещающих так называемую концепцию “имагинативных географий” (imagined geographies), связанную, главным образом, с исследованием образов Востока и их влияния на формирование западной (в частности, европейской) коллективной идентичности. Отношения “Я/ Другой” в данном контексте принимают формы культурно-пространственного геополитического измерения “Восток/ Запад”. География “воображаемого” зародилась в рамках социального конструктивизма, и Ивэр Нойманн относит данный подход к совокупности работ “восточного экскурса” [2, с. 42].

Основопологающим исследованием этого направления является книга известного палестинско – американского ученого Эдварда Саида “Ориентализм”, посвященная формированию и развитию “восточного” дискурса на Западе. Саид отмечает, что ориентализм – это “распространение геополитического знания на эстетические, гуманитарные, экономические, социологические, исторические и филологические тексты <...> это разработка не только базового географического различия (мир состоит из двух неравных половин – Востока и Запада), но также целого ряда “интересов”, которые такими средствами, как гуманитарные открытия, филологические реконструкции, психологический ана-

лиз, ландшафтные и социологические описания он не только создает, но и поддерживает его” [3, с. 23-24]. Ориентализм представляет собой целостный дискурс, не являющийся результатом деятельности политической власти как таковой, но он производится и существует в постоянном обмене с властью. В данном контексте мы говорим о власти в понимании Фуко как “власти-знания”, способной постулироваться через политические, интеллектуальные, культурные, моральные, экономические формы доминирования.

Пространственное измерение “Другого” в рамках оппозиции “Восток/ Запад” не ограничивается географическим пространством. Правильно было бы сказать, что география в данном контексте вообще не детерминирует возникновение дискурса о Востоке при формировании западной идентичности. В данном случае Восток предстает, выражаясь словами М. Эпштейна, “историческим изобретением <...> романтической грезой Запада, его мечтанием о Другом” [4, с. 68]. Ориентализм является продуктом сознательной деятельности людей, искусственно размежевавших географической пространство по культурным и политическим демаркациям и оформив, таким образом, целостный дискурс всей мировой истории, положив в основу оппозицию “Восток/ Запад”.

Отправной точки изучения “Другого” в международной политике является принцип, сформированный еще Л. Альтюссером и заключающийся в аналитически вскрываемом и специфически детерминированном единстве текста или группы текстов. В данном случае текст выступает своего рода формой артикулированного знания о “Другом” и, с одной стороны, соединяет в себе авторскую позицию, обусловленную включенностью в соответствующий социально-политический и культурный контекст, а, с другой, – сам задает специфику и трансформацию дискурса о “Другом”. Так, Э. Саид отмечает, что “анализ ориенталистских текстов подчеркивает то, что никоим образом не является скрытым или тайным: то, что такие репрезентации являются именно репрезентациями (курсив Э. Саида), а вовсе не “естественными” изображениями Востока” [3, с. 37]. Здесь же Саид указывает, что основное внимание исследователя должно быть сконцентрировано на стиле, фигурах речи, обстановке, приемах повествования, исторических и социальных обстоятельствах, а не на правильности репрезентации и ее соответствию “реальному” положению вещей. По сути, анализ “Другого” не должен отстранять исследователя от самого “Я”, поскольку упоминавшийся уже принцип амбивалентности предполагает акцентировать внимание не на субъектах взаимодействия, а – на специфике самого взаимодействия, т.е. на самих отношениях “Я/Другой”. Так, например, ориентализм и формирование идеи Востока в мировой политике всегда сопровождается развитием так называемой “идеи Европы”, определяющей всю совокупность аспектов коллективной европейской идентичности, отстраняющей “не-европейцев” от участия во внутреннем дискурсе, задающей гегемонию европейской идентичности над другими народами и культурами.

Одним из первых открыл “Другого” в международном дискурсе философ Ц. Тодоров. “Завоевание Америки: Проблема “Другого” стало первым полномасштаб-

ным применением концепта “Я/Другой” к исторической дискурсивной динамике. Ц. Тодоров пытается вскрыть церковно-юридический дискурса XVII века о статусе коренных жителей американского континента, столкнувшихся с европейской экспансией и предлагает методике “локализации проблемы инаковости” в дискурсивном пространстве с помощью трехуровневого анализа (“анализа по трем осям”) [14, с. 47]. Первый уровень касается аксиологического аспекта отношения “Я” к “Другому” и предполагает анализ ценностных суждений “Я” о том, насколько “Другой” является “хорошим” или “плохим”. Второй уровень – праксеологический – определяет степень дистанцирования “Я” от “Другого”. В данном случае анализ оперирует тремя основными стратегиями поведения “Я”: в первом случае “Я” принимает ценности и смысловое поле “Другого” и идентифицирует себя с ним; “Я” может отвергать систему смыслов “Другого” и тем самым накладывать на него свой собственный образ; в последнем случае “Я” нейтрален к “Другому”. Наконец, третий уровень анализа – эпистемологический – отражает когнитивную базу “Я” относительно идентичности “Другого”: то есть то, что “Я” знает об идентичности “Другого”. Таким образом, Тодоров предлагает несколько уровней анализа, поскольку на одном уровне отношение “Я/ Другой” может быть не только неизученным, но и попросту непонятым. Так, Ц. Тодоров в рамках своей работы пишет о том, что такие ключевые фигуры испанской колонизаторской политики, как Бартоломео де Лас Казас и Фернандо Кортес зачастую испытывали симпатию к индейцам, а на эпистемологическом уровне Кортес явно превосходил Лас Казаса, однако, оба они прибегали к стратегии ассимиляции (праксеологический уровень) индейской идентичности, подчиняя “Другого” собственной смысловой системе [14].

Ц. Тодоров, таким образом, не просто привнес более или менее оформленные концептуальные рамки в исследование “Другого” с точки зрения теории мировой политики, но и, по словам Г. Алкера, продемонстрировал важность проблемы встреч цивилизаций для дисциплины МО [5, с. 44]. Интересной работой, продолжившей тематику, заявленную Тодоровым, стала книга М. Ристэлла “Семь мифов испанского завоевания” [12, с. 37], в которой автор анализирует наиболее “спорные” моменты взаимодействия испанской цивилизации с индейской культурой во времена колонизаторской экспансии. Так, Ристелл отмечает, что не военное и культурное превосходство европейцев позволило им победить, а во многих случаях трепетное отношение к собственным семьям и своей культуре заставило индейцев быстрее идти на компромисс и сдаться испанцам.

Важным методологическим аспектом в исследованиях “Других” является специфика понимания природы и особенности оформления демаркаций между “Я” и “Другим”. Данная проблематика несет в себе важный прикладной ресурс, поскольку прогнозы конструктивистов-международников относительно уменьшения необходимости обосновывать свою идентичность по мере уменьшения гетерогенности явно не оправдались. Поскольку проблемой при разграничении “Я” и “Другого” являются не “объективные” культурные различия, а способ активизации символов, становящихся частью капитала идентичности данного человеческого коллек-

тива, то попросту неверно считать, что тенденции к глобальной гомогенизации препятствуют сохранению разграничений. В контексте такого понимания следует также выделить проблему возможного преодоления недоверия, вражды к “Другому” за счет повышения уровня знания о нем (главным образом, за счет коммуникаций по типу культурного обмена, индивидуальных изучений “Другого” и т.п.).

Однако, получение знания о “Другом” далеко не всегда модифицирует аксиологическую составляющую представлений “Я” о “Другом”. Тодоров также в своей работе уничтожает легкомысленную предпосылку, что как только человеческие коллективы узнают друг друга лучше, они будут менее жестоки по отношению друг к другу.

Майкл Дж. Шапиро одним из первых высказывает мысль о том, что отношения “Я/Другой” применительно к исследованиям международных процессов должны пониматься в их историческом измерении, поскольку они являются аспектами исторически обусловленных идей о “Я”, которые, в свою очередь, укоренены в исторически обусловленных идеях о времени и пространстве [13]. Подобное свидетельствует о необходимости многогранного анализа коллективных идентичностей. Важен здесь и тот аспект, что при изучении, например, отношений “Я/Другой” между двумя государствами, нужно уделять внимание факту, что эти государства в то же самое время вовлечены в поддержание своих коллективных идентичностей перед лицом других типов человеческих коллективов – сообществ, организаций, членами которых они оба являются. Таким образом, при анализе отношений “Я/Другой” нельзя выделять только один тип человеческих коллективов, например, нации, и пренебрегать другими.

Больших успехов в исследовании формирования коллективной идентичности с применением изучения “Другого” добились представители Копенгагенской школы. Отметим, что общим знаменателем их работ является акцент на столкновении различных дискурсивных практик, за счет которых происходит конструирование различных форм негосударственной идентичности: региональной, транснациональной и т.д. Особенно эффективным в этом отношении оказался проект “строительства регионов” [9; 10; 7] (region-building approach). Для многих авторов данного подхода актуальными являются проблемы формирования коллективной идентичности ряда европейских субрегионов, которые эффективно рассматривать в контексте отношений “Я/Другой”, поскольку их интерпретации будут неизбежно отличаться от интерпретаций коллектива “Европа”. К числу таких субрегионов относят конструкции “Центральная Европа”, “Прибалтика”, “Северная Европа” и т.д. Главной же проблематикой этих работ является европейская интеграция и борьба за определение европейской идентичности. Так, в контексте проекта “строительства регионов” актуализируется проблема противоречивости внутренней и внешней европейской безопасности: до 2004 года Евросоюз использовал несложную модель конвертирования внешней безопасности во внутреннюю за счет предъявления требований по трансформации экономико-политических систем стран-претендентов на вступление в ЕС [6]. Однако с наступлением так называемого “расширительного рубежа”

(когда дальше ЕС не может уже расширяться, поскольку соседи либо не стремятся к интеграции (как, например, Россия), либо не могут вступить в ЕС из-за многочисленных внутренних обстоятельств и не могут быть приняты в состав единой Европы (как, например, Турция, страны Северной Африки, страны Кавказа и т.п.)). В данном случае как раз и особенным образом актуализируется проблема европейской идентичности в совокупности с вопросами безопасности ЕС.

В контексте проблемы коллективной идентичности Европейского трансрегиона нельзя не упомянуть о большом направлении исследований, посвященных конструированию балканского субрегиона за счет вовлечения его в оппозицию “Я/Другой”. Базовой книгой, оформившей начало исследованиям балканской идентичности, стала работа Марии Тодоровой “Воображая Балканы” [15], входящей в диапазон трудов по проблемам концепций имагинативных географий. В своей работе М. Тодорова раскрывает специфику балканского дискурса в Западной Европе с XVIII века и динамику “мифологизации” региона, который географически отделим от остальной Европы, но культурно и политически является полномасштабным “Другим” по отношению к остальным европейским народам. Особый интерес автора вызвала причина, по которой обычное географическое название “Балканы” приобрело не просто нарицательные, но и уничижительные коннотации.

В связи с этим, Тодорова говорит об искусственном конструировании политического дискурса о Балканах (Тодорова называет это Balkanism-дискурс) в Западной Европе для необходимого обозначения демаркации и внутриевропейского неравенства среди различных государств (таким образом, именно в данном случае речь идет о национальных интересах и национальной идентичности как таковой в рамках общеевропейской модели интеграции). Самоутверждение собственной национальной идентичности среди западноевропейских государств требовало нахождения “Другого”, его имагинацию и конструирование в рамках внутреннего дискурса негативно-порицающий образ этого “Другого”. Такая участь выпала на балканский регион, поскольку ни Россия, ни Турция как наиболее явные соседи, неспособные претендовать на “подлинную” европейскую идентичность, не смогли бы удовлетворить запросы процесса конструирования западноевропейской национальной идентичности. Слишком явно “не-европейскими” видятся русская и турецкая идентичности, следовательно, считает М. Тодорова, необходимо искать “козла отпущения” среди “своих”, внутри европейского трансрегиона.

Косовский конфликт особенно обострил проблему балканской идентичности и ее соотношения с общеевропейскими идентификационными представлениями. Так, либеральный европейский дискурс о правах и свободах человека не предполагает существование нескороких “Европ”, следовательно, такая “аномалия” как Балканы (до недавнего времени этот географический регион был тождественен крупнейшему государству на его территории – Югославии) не может быть частью общей “подлинной” Европы. Насильственная трансформация политического режима в Югославии С. Милошевичем также противоречила европейскому дискурсу

су о совещательной и представительной модели управления государством [11, с. 57-59].

Дискурс-анализу боснийской войны посвящена книга Л. Хансен, в которой автор не просто предлагает совершить попытку анализа балканского конфликта, а – конструирует многоаспектную методологическую схему дискурсивного анализа [8]. Л. Хансен, обобщая работы по проблемам методологии дискурс-анализа, акцентирует внимание на необходимости жанровой дифференциации текстов, подвергающихся исследованию (например, мемуаров и путевых заметок). Центральное место отводится понятию “Другого” и его исследованию в рамках уже не только генеалогического метода, но и полноценного дискурсивного анализа.

Таким образом, неоднозначная методология исследования формирования коллективной идентичности в рамках отношения “Я/Другой”, построенная на философии диалогического мышления, тяготеет в большинстве работ к постструктуралистскому пониманию мира политического и некоторым формам так называемого интерпретативного конструктивизма.

Таким образом, проблема методологии исследования коллективной идентичности с использованием “Другого” не просто актуализирована, а – на протяжении последнего десятилетия – активно разрабатывается и обретает более или менее отчетливые концептуальные рамки. Уже много было сказано в данной главе о широком применении дискурсивного и постструктуралистского анализа, включающего в себя нелинейное изучение дискурсивной последовательности. В целом, данное направление обретает все признаки научной строгости, которая сочетается с критикой объективизма. Важнейшей составной частью академической дискуссии становится рефлексия исследователей по поводу роли науки в конструировании объекта исследования. Как известно, в науках о человеке субъект и объект исследования совпадают, поэтому частичный отказ от картезианского дуализма становится закономерным результатом усовершенствования методологии. На передний план в такой ситуации приходит принцип диалогического мышления, способный не просто вскрыть специфику формирования идентичности, но также – опираясь на принцип амбивалентности субъектов – дает абсолютно новое видение всей системы мировой политики.

Список использованных источников

1. Морозов В. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе / В. Морозов // Международные процессы. – 01–04.2006. – № 1(10). – Т. 4.
2. Нойманн И. Использование “Другого”: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн [пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова, предисл. А. И. Миллера]. – М. : Новое издательство, 2004.
3. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. В. Саид [пер. с англ. А. В. Говорунова]. – СПб. : Русский Мир, 2006 – С. 23-24.
4. Эпштейн М. Потрясенная Америка: “Кто виноват?” и “Что делать?” [Электронный ресурс] / М. Эпштейн // Русский журнал. – 13.11.2001 – Режим доступа: http://old.russ.ru/ist_sovr/20011113_ep.html.
5. Alker H.R. The Humanistic Moment: Thucydides and Las Casas / H.R. Alker // International Studies Quarterly. – 1992. – Vol. 36. – № 4.
6. Browning C.S. The Internal/External Security Paradox and the Reconstruction of Boundaries in the Baltic: The Case of Kaliningrad / C.S. Browning // Alternatives. – 2003. – Vol. 28. – No 5.
7. Browning C. Regionality Beyond Security? The Baltic Sea after Enlargement / C. Browning, P. Joenniemi // Cooperation and Conflict.

– 2004. – Vol. 39. – No 3.

8. Hansen L. Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War / L. Hansen. – London ; New York : Routledge, 2006.

9. The Baltic Sea Area: a Region in the Making / Jervell S. [et al]. – Oslo : Europa-programmet ; Karlskrona: Baltic Institute, 1992.

10. Joenniemi P. Can Europe Be Told from the North? Tapping into the EU’s Northern Dimension / P. Joenniemi // In: Encountering the North. Cultural Geography, International Relations and Northern Landscapes / S. Pehkonen, F. Moller (eds.). – Aldershot : Ashgate, 2003.

11. Joenniemi P. Kosovo and the End of War / P. Joenniemi // In: Mapping European Security After Kosovo / P. van Ham and S. Medvedev (eds.). – Manchester : Manchester University Press, 2002.

12. Restall M. Seven Myths of the Spanish Conquest / M. Restall. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2004.

13. Shapiro M.J. The Politics of Representation / M.J. Shapiro. – Madison : University of Wisconsin Press, 1988.

14. Todorov T. The Conquest of America: The Question of the Other / T. Todorov. – New York : Harper Perennial, 1991.

15. Todorova M. Imagining the Balkans / M. Todorova. – Oxford : Oxford University Press, 1997.

16. Wendt A. Collective Identity Formation and the International State / A. Wendt // American Journal of Sociology. – 1994. – Vol. 88. – No 2.

17. Wendt A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999.

Iokhim A. M., graduate student of the Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University (RF, Moscow), sv@diss.kiev.ua

The issue of the “Other” and the formation of collective identity in international politics

The article discusses methodological issues and research directions of the conceptual opposition “Self/ Other” in the context of the formation of collective identity in the global political discourse. Special attention is paid to the studies on the formation of collective identity in modern Europe.

Keywords: “Other”, collective identities, discourse, constructivism, international relations.

Ioxim A. M., аспірант кафедри порівняльної політології, Московський державний університет ім. М. В. Ломоносова (РФ, Москва), sv@diss.kiev.ua

Проблема “Іншого” та формування колективної ідентичності в міжнародній політиці

У статті аналізуються методологічні аспекти та напрямки досліджень концептуальної опозиції “Я/Інший” в контексті формування колективної ідентичності у світовому політичному дискурсі. Особливу увагу автор приділяє розробкам, присвяченим проблемам формування колективної ідентичності сучасної Європи.

Ключові слова: “Інший”, колективна ідентичність, дискурс, конструктивізм, міжнародні відносини.

* * *

УДК 321:342.4

Мамедов Р. К.
доктор философии по праву, доцент факультета права,
Бакинский государственный университет
(Азербайджан, Баку), matlabm@yandex.com

О ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ АГРЕССИИ

Настоящая статья посвящена одному из значительных проблемам современного мира – вопросам правовых и политических аспектов агрессии. Автор правильно определяет роль агрессии в межгосударственных отношениях. Детально анализируется устав и различные резолюции ООН, Конвенции, международные пакты, связанные с исследуемой темой, а также Устав Нюрнбергского военного трибунала. Примечательно, что вопросы агрессии рассматриваются в контексте Армяно-Азербайджанского, Нагорно-Карабахского конфликта.

Ключевые слова: агрессия, акт агрессии, преступление агрессии, Международный Уголовный Суд, Барселона Тракии, международное уголовное право, международные отношения.

(статья друкється мовою оригіналу)